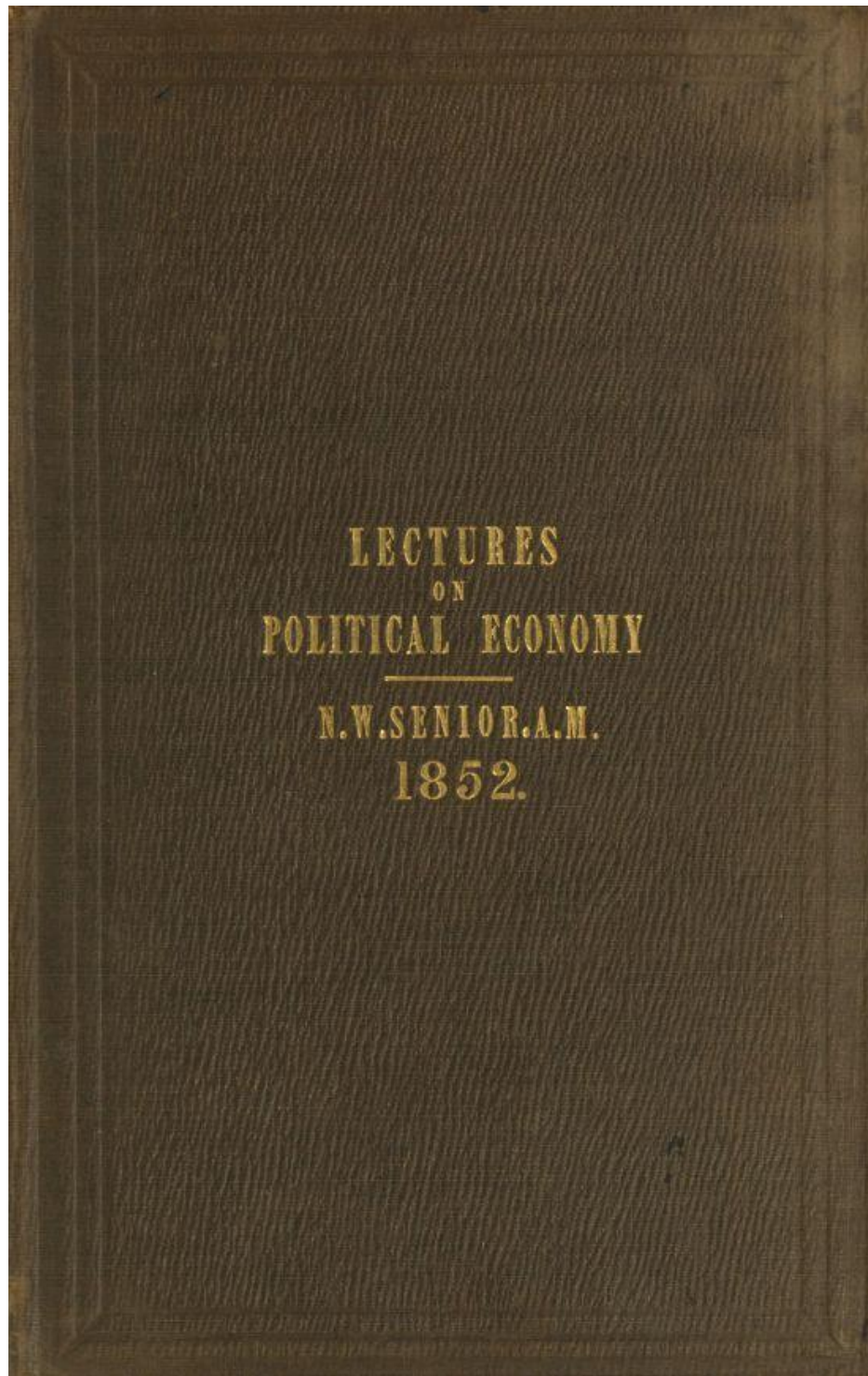

Четыре вводные лекции по политической экономии

Нассау Уильям Старший

Электронная книга проекта "Гутенберг", состоящая из четырех вводных лекций по политической экономии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Четыре вводные лекции по политической экономии

Автор: Нассау Уильям Старший

Дата выхода: 2 ноября 2014 г. [Электронная книга № 47266]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дональд Каммингс, Адриан Мастронарди и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ЧЕТЫРЕ ВВОДНЫЕ ЛЕКЦИИ По ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ" ***

ЧЕТЫРЕ ВВОДНЫЕ ЛЕКЦИИ По ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, ПРОЧИТАННЫЕ В ОКСФОРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. НАССАУ У. СТАРШИЙ, А.М., НЫНЕ ПОКОЙНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК КОЛЛЕДЖА МАГДАЛИНЫ, ПРОФЕССОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ЛОНДОН:

ЛОНГМАН, БРАУН, ГРИН И ЛОНГМАНС.

1852.

Лондон:

Споттисвудс и Шоу,

Нью-стрит-Сквер.

Содержание

ЛЕКЦИЯ I. ПРИЧИНЫ, ЗАДЕРЖАВШИЕ ПРОГРЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

ЛЕКЦИЯ II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ как ИССЛЕДОВАНИЕ УМА.

ЛЕКЦИЯ III. ПРИЧИНЫ ОТНОШЕНИЯ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК К НАУКЕ.

ЛЕКЦИЯ IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ - ПОЗИТИВНАЯ, а НЕ ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ НАУКА.—
ОПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВА.

ЛЕКЦИЯ I.

ПРИЧИНЫ, ЗАДЕРЖАВШИЕ ПРОГРЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Можно сказать, что политической экономии, как отдельной отрасли науки, около столетия. Многие факты, составляющие ее предмет, действительно привлекали внимание человека с древнейших времен; относительно них сформировалось множество мнений, правильных или неправильных, и следствием этого стали многие обычаи и законы, полезные или вредные; но почти до середины прошлого столетия не предпринимались какие-либо попытки свести эти мнения в систему или установить основания, на которых они были основаны, или даже насколько они были совместимы друг с другом. Г-ну Кенэ принадлежит честь того, что он первым попытался объяснить, из чего состоит богатство, какими средствами оно производится, увеличивается и уменьшается и по каким законам распределяется; другими словами, он был первым учителем политической экономии. В ходе своих исследований он обнаружил, что в погоне за богатством все правительства не просто ошибались в выборе прямого пути, но часто шли по пути, прямо уводящему от него. Он обнаружил, что вместо того, чтобы стремиться достичь благотворной цели с помощью соответствующих мер, они стремились к бесполезному результату совершенно неэффективными средствами. До его времени предполагалось, что богатство состоит из золота и серебра и что количество золота и серебра в любой данной стране должно увеличиваться путем поощрения экспорта и сдерживания импорта всех других товаров, а также путем постоянного вмешательства правительств в способы приложения труда их подданных и в цели, на которые он направлен. Кенэ показал, что золото и серебро составляют наименьшую и наименее важную часть богатства страны. И он показал, что изобилию золота и серебра, как и любого другого товара, следует способствовать не за счет ограничений на ввоз или щедрот на вывоз, а за счет абсолютной свободы внешней и

внутренней торговли; за счет обеспечения каждому человеку результатов его трудолюбия или бережливости, без попыток указывать ему, что производить или как наслаждаться.

Его расспросы, по-видимому, произвели на него самого и на умы его учеников эффект, подобный тому, который был бы вызван открытием карты группой людей, долгое время странствовавших по плохо известной стране. Его карта, действительно, часто была неточной, но пункты, в которых она была правильной, были самыми важными, и ее ошибки, какими бы они ни были, не были обнаружены теми, кому он ее предлагал. Мало кто когда-либо представлял человеческому разуму более интересный предмет для исследования, и мало у кого была более преданная группа учеников. Ла Ривьер, Мирабо, Тюрго и другие писатели, образующие школу, называемую французскими экономистами, - все они безоговорочно принимали мнения Кенэ и ревностно занимались их распространением.

Исследование, начатое Кенэ, было продолжено, и с еще большим успехом, Адамом Смитом. Смит превосходил Кенэ и, возможно, всех писателей со времен Аристотеля по объему и точности своих знаний. В целом он был таким же оригинальным мыслителем, как Кенэ, не будучи в равной степени подвержен общему недостатку оригинальных мыслителей - склонности доводить свои любимые теории до крайностей; и благодаря гораздо большей свободе, предоставляемой тогда промышленности в Великобритании, чем во Франции, и более широкой огласке у нас государственных поступлений и расходов, он обладал гораздо большими преимуществами как наблюдатель. Обладая такой высокой квалификацией и благоприятными возможностями, а также благодаря непревзойденному по своей привлекательности стилю, он почти полностью вытеснил труды своих предшественников. Те немногие, кто читал их труды, читали их не в надежде получить наставления, которые они должны были дать, а как источники исторической информации или как примеры ошибок, которым могут подвергаться сильные умы в зачаточном состоянии изучения.

С момента появления “Богатства народов” Политическая экономия вызывает постоянно возрастающий интерес. Все события, удачные и неудачные, которые произошли в Европе в течение этого экстраординарного периода, имели тенденцию как к увеличению ее фактического значения, так и к тому, чтобы лучше оценить это значение. Искусство, к которому это в принципе применимо, - это великое искусство управления государством, и особенно той ветви власти, которая заключается в сборе и использовании государственных денег. Ни один налог не может быть введен или применен без существенного ущерба для состояния тех, кем он уплачивается, тех, среди кого он расходуется, и третьих лиц, многие из которых, возможно, не подозревают о его существовании. Установить характер и масштабы этих последствий, даже применительно к любому существующему налогу, без помощи общих принципов, предлагаемых Политической экономией, едва ли осуществимо; предсказать или даже предположить с большой вероятностью последствия неиспытанного налога без такой помощи невозможно. Правительство, не знающее природы богатства или законов, регулирующих его производство и распределение, напоминает хирурга, не изучавшего анатомию, или судью, не знакомого с законом.

Но при старой системе Континентальной Европы многое сводилось к тому, чтобы уменьшить внимание, которое, как можно было ожидать, привлекут пагубные последствия этого невежества. Каждая монархия считалась вотчиной своего короля, а ее государственные доходы - частью его доходов. Все, что он мог получить, он тратил или раздаривал; часть этого уходила

на войны за его честь, часть растрачивалась на строительство и зрелища, а часть распределялась между его придворными. Государственные долги были невелики, и это были долги не нации, а короны. Проценты были не дополнительным бременем для народа, а вычитались из доходов принца, и время от времени сокращались либо за счет обесценивания валюты, либо простым способом отказа от уплаты. У общественности не было признано права интересоваться размером королевских доходов, источниками, из которых они были получены, или целями, для которых они применялись. Это были частные дела государя, расспрашивать о которых было неприлично и даже небезопасно.

Все это сразу изменилось после Французской революции. Во Франции было провозглашено и признано или почти не опровергнуто на остальном Континенте, что правительства создаются для наций, а не нации для правительств; и что государственные доходы — это доходы не правительства, а нации, — не собственность, а траст, — не рента или дань, а деньги за оплату труда, необходимого для предотвращения внешнего и внутреннего насилия и мошенничества, выплачиваемые правительству просто как администратору, незаконно используемые, если применяются для каких-либо других целей, и незаконно требуемые, если их больше, чем необходимо для этой цели.

Каждый человек был заинтересован в том, чтобы доля его дохода, которую он должен был выплачивать государству, была уменьшена либо за счет уменьшения расходов, либо за счет изменения способа начисления.

В то же время войны, в которые Европа была вовлечена в течение четверти века, и масштабы, с которыми они велись, вызвали почти в каждой стране огромное увеличение той доли общего дохода народа, которая находится в ведении правительства. Почти каждая страна создала государственный долг и, таким образом, возложила на своих правителей дополнительную обязанность по сбору доходов, которые должны были направляться не на текущие расходы, а на погашение тех, кто увеличил государственные расходы в предыдущие годы. И людей не только побуждали интересоваться общественными делами, их часто призывали действовать. Во многих странах вся форма правления неоднократно разрушалась и перестраивалась. Почти каждая нация в какой-то период получила или была обещана создать представительные институты; повсюду монарх, обращаясь к народу, признавал существование и силу национальной воли.

На Британских островах самоуправление не было чем-то новым, но многие обстоятельства способствовали росту и рассеиванию интереса к общественным делам. Среди этих обстоятельств главными были увеличение государственных расходов, изменение курса валюты и последствия законов о бедных. Ни в одной обширной империи, известной в истории, столь значительная часть годового продукта земли, труда и капитала народа не находилась в ведении государства. Каждый человек чувствовал себя общественным должником, и почти каждый человек в той или иной форме становился общественным кредитором. В то же время номинальная стоимость денег, стандарт, по которому оценивались его требования и пассивы, была подвержена значительным колебаниям сами по себе, сильно преувеличиваемым одной стороной и абсолютно отрицаемым другой, непосредственные причины которых мало кто мог указать, и никто не мог предсказать вероятные масштабы. Тем временем влияние законов о бедных на южные и юго-восточные округа Англии с каждым днем становилось все более очевидным. Для самых непредубежденных стало очевидным, что они постепенно меняли права

как собственности, так и промышленности, отношения между бедными и богатыми, рабочим и его работодателем, а также привычки и чувства сельского, а во многих местах и городского населения.

Все эти и многие другие причины, перечислять которые было бы утомительно и почти невозможно, придали политическим наукам за последние шестьдесят лет такой интерес, какого не приобрело ни одно исследование, за исключением, возможно, теологии на заре Реформации. И это в период, когда распространение книг и газет, а также привычки средств обсуждения и общения было таким, какого наши самые оптимистичные предки никогда не ожидали.

Из всех отраслей политического знания наиболее важной и наиболее применимой к целям правительства является та, которая рассматривает природу и происхождение богатства. Это правда, что конечной целью правительства, да и вообще конечной целью каждого отдельного человека, является счастье. Но мы знаем, что средство, с помощью которого почти каждый человек пытается увеличить свое счастье или, выражаясь общепринятым языком, улучшить свое положение, заключается в увеличении своего богатства. И помочь ему или, скорее, защитить его в этом - большая трудность для правительства. Все мошенничество и почти все насилие, ради предотвращения которых создается правительство, возникают из попыток человечества лишить друг друга плодов своего трудолюбия и бережливости. Чтобы противодействовать этим попыткам, необходимо собрать и израсходовать государственный доход; и, как я уже отмечал, ни одна из этих операций не может быть хорошо выполнена или хорошо оценена людьми, несведущими в политической экономии. Можно добавить, что стремление к несправедливой наживе, которое у дикарей порождает грабеж и воровство, принимает у цивилизованных народов менее ощутимые формы монополии, объединения и привилегий; злоупотребления, для обнаружения или разоблачения которых, когда они имеют давнюю историю, требуется большое знание общих принципов и которые еще труднее исправить, не нанося большого непосредственного ущерба отдельным лицам.

Поэтому я думаю, что могу рискнуть сказать, что ни одно исследование никогда не привлекало в течение равного периода столько внимания со стороны стольких умов, сколько Политической экономии уделялось в течение последних шестидесяти лет. Я не имею в виду, что это внимание было признано, или даже что все те, кто формулировал и повторял теории, касающиеся способов создания, увеличения или уменьшения богатства, осознавали, что они были политэкономистами. Большинство из них так же мало подозревали, как и месье Журден, что он говорит прозой. Но каждый сельский житель, требовавший защиты сельского хозяйства, каждый фабрикант, выступавший против свободной торговли, каждый спекулянт, призывавший к бумажной валюте, каждый, кто нападал на меры министра и почти каждый, кто защищал их, до поры до времени черпал свои основные аргументы из политической экономии.

В то же время общепризнанных авторов по этому предмету было больше, чем авторов по любой другой науке или искусству. Если мы посмотрим на наши основные обзоры, то обнаружим, что этому посвящена большая часть каждого номера. М. Say переводился снова и снова на все языки Европы. Я видел три разных перевода его великого произведения, опубликованных в разных частях Испании. В Соединенных Штатах Америки есть газеты, посвященные исключительно этому, и у него есть профессора почти в каждом университете Европы и Северной Америки.

В таком случае, я хотел бы спросить, — и именно в качестве введения к этим вопросам я отважился на столь длинное предисловие, — был ли прогресс Политической экономии пропорционален тому пылу, с которым ее пропагандировали? Если это было не так, то по каким причинам замедлился его прогресс? и находятся ли эти причины в нашей власти?

На первый вопрос ответ должен быть Отрицательным. После столь продолжительного обсуждения мы могли бы надеяться, что его пределы будут точно установлены, его термины определены, а его общие принципы признаны. Нет необходимости формально доказывать, что это не так. Всем известно, что Политическая экономия находится в состоянии несовершенного развития, не скажу, что характерного для младенчества, но, безусловно, очень далекого от зрелости. Мыредко слышим, чтобы его принципы становились предметом разговора, не замечая, что у каждого собеседника есть своя собственная теория относительно объектов, на которые должны быть направлены исследования политэкономиста, и способа, которым их следует проводить. Когда мы читаем самых выдающихся авторов последнего времени, пишущих на эту тему, мы обнаруживаем, что они в основном вовлечены в полемику. Вместо того чтобы иметь возможность использовать труды своих товарищей по работе, каждый экономист начинает с разрушения и возводит здание, возможно, в значительной степени опирающееся на тот же фундамент, но отличающееся от всего, что предшествовало ему по форме и устройству.

Предполагая, что следует признать, что это правильное представление реальной ситуации в исследовании, я перехожу к более важным вопросам: какие препятствия препятствовали его улучшению, существуют ли они и какими средствами их можно устранить?

Одна из главных причин, препятствующих прогрессу Политической экономии быть адекватным тому вниманию, которое ей уделялось, заложена в самой ее природе. К сожалению, я не скажу, что это так, поскольку в то же время это главная причина того внимания, которого она заслуживает, и, фактически, того внимания, которое она получила. Я имею в виду его прямое влияние на благосостояние человечества; и влияние на наши рассуждения этой тревожной причины поразительно усилилось в связи с переходным состоянием, в котором институты почти всего цивилизованного мира боролись в течение последних шестидесяти лет и, похоже, обречены бороться в течение неопределенного периода.

Если бы наши законы носили неизменный характер, который приписывается законам мидян и персов, мы могли бы исследовать природу и источники богатства с тем беспристрастием, с которым мы изучаем движение небесных тел. Никто не почувствовал бы себя заинтересованным в отрицании выводов, которые не поддавались бы практическому применению. То, что богатство состоит не из денег, а из вещей, которые можно купить за деньги, — что оно не уменьшается при обращении к самому дешевому рынку, — что оно не увеличивается при увеличении номинальной стоимости знаков, которыми оно измеряется, — что оно увеличивается с увеличением производительности труда и уменьшается, если для получения определенного результата требуется больше труда, — что прибыль от торговли заключается не в том, что отдано, а в том, что получено, — это положения, которыми можно было бы пренебречь как прописными истинами или сослаться на них как на самоочевидные, но вряд ли можно было бы пренебречь. стали предметом ожесточенных споров. Монополии никогда бы не были защищены, если бы монополисты были в безопасности.

Именно различию в этом отношении в состоянии Европы я приписываю разницу в степени шума, который был поднят против Адама Смита в Англии и более ранних экономистов во

Франции, и того, который был направлен против их преемников в обеих странах. Доктрины Кенэ и Смита были в такой же степени противоположны существующим злоупотреблениям, как доктрины Мальтуса или Рикардо; но, по-видимому, не было такой же возможности их применения. В то время как ограничение и запрет были правилом, и, по-видимому, неизменным правилом, политэкономистам было прощено провозглашение преимуществ свободной торговли. Теория даже признавалась до тех пор, пока практика казалась на расстоянии. Но эти безмятежные времена прошли: с каждым днем становится все более очевидным, что все, что обычно считается целесообразным, рано или поздно будет предпринято; и что институты следует атаковать и защищать не силой, а аргументами, — не простым криком или упорным отказом, а убеждая общественность в выгоде или невыгоде предлагаемого изменения.

Архиепископ Уэтли хорошо заметил, что доказательства Евклида не вызвали бы всеобщего одобрения, если бы они были применимы к занятиям и судьбам отдельных людей; а из всех отраслей человеческого знания Политическая экономия, благодаря сложности ее взаимосвязей и расплывчатости ее номенклатуры, предлагает наиболее легкий простор для предвзятого или неискушенного рассуждателя. Значительные улучшения, которые происходят в нашей коммерческой и финансовой политике, будут иметь тенденцию уменьшать это препятствие для политической науки, устраняя спорные темы. И мы можем надеяться, что его сила будет еще больше уменьшаться из-за простого прогресса исследования, поскольку его термины становятся более определенными, а все больше и больше его принципов устанавливаются и признаются. Но было бы тщетно надеяться, что от этого когда-нибудь избавятся или что люди будут рассматривать вопросы, которые являются родными для их бизнеса и души, с беспристрастностью, которая побуждает астронома или математика.

Другой причиной, которая сделала бесплодным большую часть внимания, уделяемого Политической экономии, были частые попытки обсудить отдельные вопросы, связанные с ней, теми, кто ранее не пытался ознакомиться с ее общими очертаниями. В некоторых науках это в определенной степени осуществимо. В тех науках, которые в значительной степени состоят из независимых фактов, таких как юриспруденция или естественная история, иногда можно успешно изучать одну отрасль. Но в политической экономии различные положения настолько взаимозависимы, что невозможно безопасно рассуждать относительно какого-либо одного, не имея постоянно в виду все остальные. И все же нет ничего более обычного, чем встретить людей, пишущих книги и произносящих речи, и даже предлагающих с предельной уверенностью законодательные меры, включающие принципы, относительно которых самый проницательный и прилежный исследователь не смог бы составить своего мнения, не только не установив внутри себя значения их основных терминов, но даже не отдавая себе отчета в том, что они используют слова, о которых у них нет никаких определенных представлений.

Ошибки, о которых я упомянул, были допущены главным образом теми, кто, не называя себя политэкономистами, часто даже прямо отрицая этот характер, трактовал предметы, рассматриваемые Политической экономией. Но многие, кто открыто посвятил себя ее изучению, по-видимому, неправильно направили свои усилия из-за отсутствия четкого представления о предмете своих исследований, о том, каким образом их следует проводить, или о природе трудностей, которые необходимо преодолеть. Если преподаватель политической экономии не решил, занимается ли он наукой или искусством, является ли его обязанностью

объяснять явления или давать наставления, является ли его основное занятие наблюдением фактов или дедуктивными умозаключениями, являются ли все его посылки физическими истинами или частично зависят от произвольных допущений, — его работа, хотя и может содержать частичные взгляды высшей ценности, никак не может составить ясного или последовательного целого. Также недостаточно того, чтобы профессор принял решение относительно того, чему он должен учить. Важно, хотя и не в равной степени важно, чтобы учащийся имел общее представление о том, что ему предстоит выучить, о характере предметов, которые ему предстоит изучить, о выводах, с которыми его попросят согласиться, и о аргументах, которыми они будут подкреплены. Точка зрения, которой следует придерживаться, возможно, не соответствует его привычкам мышления или исследования. Она может быть слишком абстрактной или слишком конкретной. Если он привык к демонстрациям, его могут не удовлетворить доказательства и иллюстрации, взятые из реальной жизни и смешанные с не относящимися к делу случайностями. Если его занятия были практичными, у него могут вызвать отвращение рассуждения, основанные на гипотезах, не представляющих ничего из того, что происходит на самом деле. Или же его возражения могут быть направлены скорее против самого предмета, чем против способа обращения с ним. Он может думать, что слишком большое значение, или, если не слишком большое значение, слишком исключительное внимание уделяется богатству. Он может пожелать, чтобы экономисты рассматривали человека как существо с более высокими качествами, более высокими обязанностями и более высокими удовольствиями, чем те, которые связаны с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, и может сожалеть, что к нему относятся просто как к причине или получателю ренты, прибыли и заработной платы. Но если его предупредить заранее, он не будет разочарован, и, заранее зная, какого рода исследованием ему предстоит заниматься, ему будет легче воспринять предпосылки и взвесить аргументы его преподавателя.

ЛЕКЦИЯ II.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ Как ИССЛЕДОВАНИЕ УМА.

В настоящей и двух следующих лекциях я рассмотрю, является ли Политическая экономия физическим или ментальным изучением; может ли ее удобнее рассматривать как науку или как искусство; и следует ли брать ее предпосылки исключительно из наблюдения и сознания или частично основываться на произвольных допущениях. И я начну с того, что несколько подробнее изложу различие между наукой и искусством — не в надежде сказать что-то новое, а потому, что я полагаю, что это различие, хотя и было четко проведено, может быть знакомо не всем моим слушателям.

Коротко можно сказать, что, как история - это изложение фактов прошлого, так и наука - это изложение существующих фактов, а искусство - изложение средств, с помощью которых будущие факты могут быть вызваны или влиять, или, другими словами, вызваны будущие события. Первые два направлены только на предоставление материалов для запоминания и

суждения; они не предполагают никакой цели, кроме приобретения знаний. Третий предназначен для воздействия на волю. Оно предполагает, что должна быть достигнута какая-то цель, и указывает на самое легкое, безопасное или наиболее эффективное поведение для достижения этой цели. Именно по этой причине совокупность взаимосвязанных фактов, составляющих науку, как правило, менее сложна, чем совокупность взаимосвязанных предписаний, составляющих искусство. Отдельная наука может быть полной сама по себе; человек может ограничиться химией, или зоологией, или ботаникой. Он может заниматься любой из этих наук до границ существующего знания и ничего не знать о других. Но искусство должно черпать материал из многих наук. Ни один человек не может преподавать или хорошо практиковать искусство земледелия, если он не обладает некоторыми знаниями в области химии, ботаники, зоологии, механики и многих других наук.

В развитии человеческого знания искусство предшествует науке. Первые усилия человека носят практический характер. Он имеет в виду цель и пробует различные средства для ее достижения. Некоторые из них полностью проваливаются, некоторые преуспевают несовершенно, а другие эффективны, но требуют ненужных затрат времени и хлопот. По мере того, как его опыт увеличивается, он постепенно устанавливает для себя определенные практические правила. Если бизнесом, которым он занимается, может управлять один человек, эти правила могут быть известны только ему самому и быть утрачены с его смертью. Именно таким образом мы утратили многие секреты древних художников. Но если это то, что требует сотрудничества, они становятся известны его помощникам и ученикам, а постепенно и всем, кто занимается подобными занятиями. Многие умы заняты их улучшением и увеличением их числа, пока, наконец, они не разрастутся в систему. Однако может пройти немало времени, прежде чем они появятся в какой-либо иной форме, кроме традиционной. Великие архитекторы средневековья не оставили после себя никаких письменных предписаний. Они обучали своих учеников устными наставлениями, а остальной мир и потомство - личным примером. Однако желание передавать и увековечивать информацию является одной из сильнейших страстей изобретательных умов. По мере того как книги множатся и становятся основным средством, с помощью которого это может быть достигнуто, те, кто осознает превосходство знаний, становятся писателями. Они сочиняют трактаты, в которых упорядочиваются и сохраняются средства, которые, как предполагается, производят определенные эффекты; и знания, которые ранее основывались на индивидуальном опыте или традиционной рутине, становятся искусством.

За исключением, однако, поэзии, архитектуры и вообще искусств, рассчитанных на вкус и воображение, к которым народы на ранней стадии цивилизации, по-видимому, обладают особой склонностью, искусства ненаучного века содержат множество правил, неэффективных для их предполагаемых целей, и многие из них прямо противоположны им. Так, средневековая медицина предписывала использовать растения с желтыми цветами при желтухе, а с красными - при лихорадке, а разжигающие вещества и мази наносить не на рану, а на меч. В конце концов приходит человек с более широкими взглядами или менее покладистым складом ума, который не довольствуется подчинением тому, что часто кажется ему произвольными правилами, хотя ему говорят, что они являются результатом опыта. Он пытается объяснить эффекты, которые, как он видит, производятся, то есть соотнести их с некоторыми общими законами материи или разума. Сделать это - значит создать науку. Как только возобладают научные привычки мышления, людей начинает раздражать любая видимость, которую они не могут объяснить. Их первый мотив - усомниться в ее реальности. Доказательств месмерического ясновидения было

представлено достаточно, чтобы удовлетворить скептически настроенного исследователя, если бы можно было объяснить сам феномен. Но мы не можем отнести это к какому-либо общему закону, и поэтому большая часть тех, кто думает о нем, отрицают его существование; многие воздерживаются от своего мнения, и едва ли кто-то является полностью верующим. Если его существование когда-нибудь будет полностью установлено, весь научный мир будет занят поиском общих принципов, к которым его следует отнести; ибо никто не удовлетворится принятием его как изолированного необъяснимого факта.

Я уже говорил, что одно искусство обычно черпает свои предпосылки из множества различных наук. Таким образом, одна наука обычно предоставляет предпосылки для множества различных искусств. Как многочисленны науки, которые применимы к военному искусству. Как многочисленны искусства, которые частично зависят от принципов химии. И очевидно, что каждый рост человеческих знаний должен усиливать влияние науки на искусство. Под этим влиянием устанавливается множество новых правил, и многие из них, которые должны были основываться на опыте, отбрасываются как ненужные или вредные. Искусство становится в некоторых отношениях более простым, а в других - более сложным: более сложным потому, что его принципы становятся более разнообразными и детализированными; более простым потому, что вместо того, чтобы быть собранными воедино без видимой связи, они группируются в соответствии с общими принципами, предложенными наукой.

Науки делятся на два больших класса, различающихся как по вопросам, которые они исследуют, так и по источникам, из которых они черпают свои предпосылки. Это физические и ментальные науки, или, как их иногда называют, моральные науки. Собственно предметом первого являются свойства материи; предметом второго - ощущения, способности и привычки человеческого разума. Поскольку у нас нет опыта существования разума, отделенного от материи (возможно, мы действительно неспособны представить себе его существование), и поскольку разум может действовать только через тело, даже более чисто ментальные науки вынуждены обращать внимание на материю; и многие из них, такие как науки, которые были названы эстетическими, те, которые объясняют удовольствие, которое мы получаем от красоты и возвышенности, на первый взгляд, не имеют отношения ни к чему, кроме материальных объектов. Но они рассматривают эти объекты просто в связи с их воздействием на человеческий разум. Классифицировать и объяснять эти эффекты как часть философии разума - вот цель науки, и она рассматривает в материи только те качества, которые их производят. С другой стороны, ботаник при описании растений не может опустить те качества, которые делают их приятными или полезными для человека. Без сомнения, получать удовольствие от вида и запаха розы - это такой же атрибут человеческого разума, как форма, цвет, и другие качества, которые вызывают это удовольствие, являются атрибутами розы. Но ботаник смотрит только на розу. Он утверждает, что оно красивое и пахучее, как часть описания растения, а не существа, для которого оно красивое и пахучее.

Та же разница разделяет искусство, хотя грань менее четко обозначена. Ибо, поскольку каждое искусство должно использовать материальные инструменты, оно в определенной степени физическое; и поскольку каждое искусство направлено на то, чтобы доставлять удовольствие или предотвращать боль, оно должно быть в определенной степени ментальным. Тем не менее, разница существует. Никто не назвал бы риторику физическим искусством, хотя ее учитель должен передавать предписания относительно голоса и жестов. Никто не назвал бы сельское хозяйство умственным искусством, хотя трактат о сельском хозяйстве был бы неполным, если бы

не сравнивал преимущества и недостатки монотонного и поденного труда - сравнение, включающее широкие и многочисленные моральные соображения.

Там, где предметом является материя, различие между искусством и наукой в целом легко уловимо. Никто не путает науку о снарядах с искусством артиллерийского дела или искусство хирургии с наукой об анатомии. Но, по-видимому, гораздо труднее провести различие между искусствами и науками, предметом которых являются операции человеческого разума. Таким образом, мы часто говорим об искусстве логики и науке морали. Но логика - это не искусство, а наука. Это не набор правил, как рассуждать, а изложение принципов, от которых зависят все рассуждения. Логик не дает советов, он просто инструктирует. Он не учит нас рассуждать с помощью силлогизмов, но утверждает тот факт, что все рассуждения силлогистичны. Все его утверждения носят общий характер; они не имеют отношения ко времени или месту. Они не связаны ни с какой наукой, кроме его собственной. С другой стороны, мораль - это не наука, а искусство. Цель моралиста состоит не в том, чтобы информировать нас о природе способностей и ощущений человека, а в том, чтобы посоветовать нам, как использовать эти способности и как подчинить себя этим ощущениям с целью содействия нашему счастью. Поэтому он должен черпать свои материалы из множества различных наук и варьировать свои предписания в соответствии с социальным положением тех, к кому он обращается. Мораль стоиков была приспособлена к совокупности мелких сообществ, постоянно вовлеченных во внешние и гражданские войны, поражение в которых влекло за собой худшее из человеческих зол - потерю жизни, связей, собственности и свободы. Ни один грек не мог быть уверен, что через год его страна не будет завоевана соседним племенем, или его партия не будет свергнута революцией, а вся его семья и друзья не будут убиты у него на глазах или проданы вместе с ним в рабство. При таких обстоятельствах нечувствительность, способность переносить приближение и присутствие зла, а также незащищенность и даже отсутствие добра, оказались качеством, наиболее способствующим счастью. Поэтому моралист-стоик так же стремился притупить желания и ожесточить восприятие своих учеников, как английский моралист стремится пробудить в них честолюбие и расширить их чувствительность. Логика Аристотеля и логика Уэтли одинаковы, но как мало мы находим общего, когда сравниваем мораль Зенона с моралью Смита или Пейли.

Мне кажется, что большая тенденция смешивать науку и искусство, когда предметом является разум, чем когда это материя, проистекает из более непосредственного влияния на поведение человека, которым обладают науки о разуме. Науки, рассматривающие материю, часто имеют мало видимой связи с каким-либо из искусств, которым они подчинены. Применение химии в сельском хозяйстве имело место почти на нашей памяти; ее применение к навигации еще более позднее; к наземному транспорту - еще более недавнее; к передаче разведанных - едва ли десятилетней давности. Такие науки могут наиболее серьезно изучаться и действительно, как правило, изучаются людьми, у которых нет иной цели, кроме открытия и распространения истины. Этой цели достаточно, чтобы удовлетворить самые пылкие научные амбиции и побудить к самому неутомимому научному труду. Астроном не задумывается о том, каковы будут практические результаты его исследований и приведут ли они вообще к каким-либо практическим результатам. Его цель - знание. Способы применения этих знаний, способ и степень, в которой они могут влиять на поведение людей, он оставляет на усмотрение других.

С другой стороны, ментальные науки прямо и очевидно связаны с искусствами, принципы которых они дают; и этими искусствами должен заниматься почти каждый образованный

человек. Ни один человек не изучает науку рассуждения, не приняв решения применять ее принципы всякий раз, когда ему приходится упражняться в искусстве полемики. Ни один человек не исследует законы, управляющие человеческим интеллектом или человеческими страстями, не сформулировав из них некоторых практических правил для использования своих собственных способностей и регулирования своих собственных привязанностей.

Различие между физическим и психическим важно не только в отношении предметов, изучаемых науками и искусствами в каждом классе, но и в отношении основных источников, из которых они соответственно черпают свои предпосылки.

Во всех науках и во всех искусствах этих источников всего три — наблюдение, сознание и гипотеза. Физические науки, будучи лишь вторично знакомы с разумом, черпают свои предпосылки почти исключительно из наблюдений или гипотез. Те науки, которые трактуют только о величине и числе, или, как их обычно называют, чистые науки, полностью исходят из гипотез. Математик измеряет радиусы окружности не для того, чтобы убедиться, что все они равны: он выводит их равенство из определения, с которым он их устанавливает. Те, кто воздерживается от гипотез, зависят от наблюдения. Астроном устанавливает движение планет путем наблюдений, ботаник классифицирует растения, а химик обнаруживает сродство различных тел. Они почти полностью игнорируют феномены сознания. Физические искусства почти исключительно основаны на наблюдении. Поскольку их цель - производить положительные эффекты, они как можно меньше доверяют гипотезам; а психические явления, которые им приходится рассматривать, обычно немногочисленны и просты. Искусству навигации, горному делу или фортификации мог бы научить человек, который никогда серьезно не изучал работу своего собственного разума.

С другой стороны, ментальные науки и ментальные искусства черпают свои предпосылки главным образом из сознания. Предметы, с которыми они в основном знакомы, - это работа человеческого разума. И единственный разум, работу которого человек действительно знает, - это его собственный. Когда он желает удостовериться в мыслях и чувствах других, его первым побуждением всегда является попытка представить себя в том, что, по его мнению, является их ситуацией, и рассмотреть, как бы он сам тогда думал и чувствовал. Его следующим импульсом является вывод о том, что в них происходят схожие моральные и интеллектуальные процессы. Если он осторожный наблюдатель, он пытается исправить этот вывод, изучая выражения их лиц, их слова и их действия. Но это неопределенные симптомы, часто вызываемые состоянием ума, отличным от того, на которое они, по-видимому, указывают; и часто используемые с целью сокрытия или обмана.

Когда человек пытается обнаружить, что происходит в сознании другого человека, размышляя о том, что произошло или происходит в его собственном, достоверность результата, конечно, зависит от степени совпадения двух умов. Образованный человек, следовательно, плохо оценивает чувства и способности необразованного, взрослый - ребенка, здравомыслящий - безумца, цивилизованный человек - дикаря. И это объясняет постоянное неправильное управление низшими слоями общества, а также детьми, сумасшедшими и дикарями со стороны их интеллектуальных и моральных руководителей. Изучающий ментальные науки находится в положении анатома, которому позволено препарировать только один объект и который вынужден строить догадки о внутреннем строении других людей, предполагая, что оно похоже на строение объекта, который он препарировал, и исправляя это предположение, только

наблюдая за формами их костей и внешней игрой мышц. Психические особенности других мужчин, вероятно, введут его в заблуждение в определенных случаях. Его собственные психические особенности, вероятно, введут его в заблуждение во всех случаях.

Еще одно важное различие между умственными и физическими исследованиями заключается в степени и способе, в которых им, соответственно, может помочь эксперимент. Когда мы имеем дело с материей, мы часто можем комбинировать ее частицы по своему желанию и наблюдать результаты этого объединения. Если мы обнаруживаем, что при прочих равных условиях за присутствием или отсутствием данного элемента следует наличие или отсутствие данного результата, мы приписываем этому элементу и этому результату причинно-следственную связь или, по крайней мере, условие и результат.

Но вряд ли можно сказать, что мы способны проводить эксперименты над сознанием других. Для эксперимента необходимо, чтобы наблюдатель точно знал состояние объекта, наблюдаемого до эксперимента, и его состояние сразу после него. Но когда предметом являются умы других людей, мы можем очень мало знать ни об одном состоянии, ни о другом. Поэтому мы вынуждены полагаться не на эксперимент, а на опыт, то есть не на комбинации известных элементов, произведенные с целью проверки результата каждой отдельной комбинации, а на наше наблюдение реальных событий, результатов комбинации многочисленных элементов, лишь немногие из которых находятся в пределах нашего собственного знания. И следствием этого является то, что мы часто связываем факты, которые на самом деле независимы друг от друга, и нередко ошибочно принимаем препятствия за причины.

Мера, принятая сейчас [\[A\]](#) перед парламентом за введение в Ирландии обязательного положения для обездоленных, защищается апелляцией к опыту. Нам говорят, что английская беднота имеет такое обеспечение и является самым трудолюбивым и наиболее обеспеченным населением в Европе. Ирландские бедняки не имеют такого обеспечения и являются самыми праздными и бедными людьми, которых называют цивилизованными. Если бы наличие плохого закона в одной и его отсутствие в другой были единственной разницей в истории двух стран, это действительно был бы пример опыта. Если бы страна с предшествующей историей, в точности напоминающей историю Англии, обладающая точно такими же физическими и моральными преимуществами и отличающаяся исключительно отсутствием плохого закона, была признана праздной и несчастной, мы могли бы справедливо заключить, что процветание Англии обусловлено ее плохим законом; ибо не было бы никакой другой причины, на которую это можно было бы сослаться. И несчастье другой страны не могло быть вызвано ничем, кроме отсутствия в ней плохого закона. Но когда мы видим, что английский и ирландский народы различаются расой, и в религии, и в повадках,—что один—это прежде всего город, а другой почти исключительно население страны,—что тот состоит в основном из работников по найму, других мелких арендаторов,—что один живет по заработной плате, другой на своих собственных растениях,—о том, что заместитель является непредусмотрительности, что другим лень,—что в одной стране религией людей был гоним, в другой наделен,—что в один духовенство люди являются союзниками правительства, в других своих врагов,—что в один общественные симпатии сторонник порядка и спокойствия, в других с нарушителя,—это код, который преобладает в той, которая санкционирована парламентом и находящихся в ведении суда, в других—один в обрамлении заговорщиков, обнародован угрожающие уведомления, и обеспечивается возмущение и убийство,—что он более опасен, чтобы соблюдать закон, чем

нарушать его в других,—когда мы видим, что эти различия сохранялись в течение многих столетий, и что почти с самых первых знаний о них, обстоятельства, при которых эти две страны были размещены были не только разнородных, но противостоит, очевидно, что убогость Ирландии в отсутствие плохого закона еще не доказывает, что наличие такого института была выгодна Англии. Доказано лишь, что страна может процветать с плохим законом и быть несчастной без него. В этом отношении опыт Англии и Ирландии является решающим. Это исчерпывающий ответ любому, кто будет утверждать, что либо страна, население которой вынуждено полагаться на собственные ресурсы, обязательно будет трудоемкой, либо страна, в которой закон защищает каждого, каким бы ни было его поведение, от нужды, обязательно будет ленивой. Но это не ответ тому, кто будет утверждать, что таковы тенденции двух противоположных институтов, но что такие тенденции могут быть нейтрализованы противодействующими причинами. И все же есть тысячи образованных людей, которые называют подобные рассуждения аргументацией из опыта и теперь стремятся провести грандиозный эксперимент с ирландским законом о бедных по английской модели, полагаясь на то, что они называют опытом Англии.

[A] Эта лекция была прочитана в марте 1847 года.

Когда мы направляем наше внимание на работу нашего собственного разума, то есть когда мы ищем предпосылки с помощью сознания, а не с помощью наблюдения, наши возможности в проведении экспериментов намного возрастают. В значительной степени мы управляем нашими собственными способностями, и хотя их немного, возможно, вообще нет, которые мы можем использовать отдельно, мы можем по желанию использовать одну из них более энергично, чем другие. Мы можем призвать, например, к особой активности суждение, память или воображение и отметить различия в нашем психическом состоянии по мере того, как та или иная способность становится более активной. И это эксперимент. У нас меньше власти над нашими ментальными ощущениями. Мы не можем по своей воле испытывать гнев, или зависть, или страх. Но иногда мы можем, хотя и редко, по-настоящему ставить себя в ситуации, которые будут вызывать определенные эмоции. И когда, как это обычно бывает, это невозможно или нежелательно, мы можем представить себя в таких ситуациях. Первый - это реальный эксперимент. Мы можем подойти к краю незащищенной пропасти и посмотреть вниз. Мы можем встать между нашими телами и этим краем невысокого парапета и смотреть через него. И если мы обнаружим, что наши эмоции в двух случаях различаются, — что, хотя реальной опасности нет ни в том, ни в другом случае, хотя в обоих наше суждение одинаково говорит нам, что мы в безопасности, все же кажущаяся опасность в одном случае вызывает страх, в то время как в другом мы чувствуем себя в безопасности, — мы заключаем, что воображение может возбуждать страх, для которого, как утверждает суждение, нет адекватной причины. Второе - это сходство с экспериментом, и когда его пробует человек с живым воображением Шекспира или Гомера, оно может почти сослужить ему службу. Но для обычных людей это наиболее ошибочный прием. Немногие люди, представляя себя в воображаемой ситуации, принимают во внимание все обстоятельства, необходимые для этой ситуации. И те, которыми они пренебрегают, могут быть одними из самых важных.

Объяснив различие между наукой и искусством, а также главные различия между искусствами и науками, которые рассматривают в качестве своего главного предмета законы материи, и теми, чьим главным предметом является разум, я теперь перехожу к одному из практических

вопросов, в решении которого, я надеюсь, окажется полезным это длинное предисловие, а именно, является ли Политическая экономия изучением разума или физики.

Несомненно, политический экономист имеет много общего с материей. Явления, связанные с производством материальных благ, занимают значительную часть его внимания; и они зависят главным образом от законов материи. Эффективность машин, снижение производительности при определенных обстоятельствах последовательного приложения капитала к земле, а также плодovitость и долговечность человеческого вида - все это важные предпосылки политической экономии, и все это законы материи. Но политэкономист останавливается на них только в связи с психическими явлениями, которым они служат для объяснения; он рассматривает их как мотивы накопления капитала, как источники ренты, как регуляторы прибыли и как причины, которые усиливают или замедляют стремление населения к существованию. Если основным предметом его исследований были физические явления, связанные с производством богатства, то система политической экономии должна содержать трактат по механике, навигации, сельскому хозяйству, химии - фактически, по предметам почти всех физических наук и искусств, поскольку существует лишь несколько таких искусств или наукоемкостей, которые не служат богатству. Всех этих деталей, однако, политэкономист избегает или использует некоторые из них скупко в целях иллюстрации. Он не пытается изложить механические и химические законы, которые позволяют паровой машине творить свои чудеса, — он пропускает их мимо ушей как законы материи; но он объясняет, настолько полно, насколько позволяют его знания, мотивы, которые побуждают механика возводить паровую машину, а рабочего приводить ее в действие. И это законы разума. Он оставляет геологу объяснять законы вещества, обуславливающие образование угля, химику - различать составляющие его элементы, инженеру - указывать способы, с помощью которых его добывают, а преподавателям многих сотен различных искусств - указывать, для каких целей он может быть применен. Что он оставляет за собой, так это объяснение законов разума, по которым владелец земли позволяет опустошать свои пастбища и извлекать полезные ископаемые, которые они покрывают; по которым капиталист использует при проходке шахт и проходке галерей средства, которые могли бы быть потрачены на его собственное непосредственное наслаждение; по которым шахтер сталкивается с трудностями и опасностями своего опасного и трудоемкого занятия; и законы, также законы разума, которые определяют, в каких пропорциях продукт, или стоимость продукта, распределяется между тремя классами, с согласия которых он был получен. Когда он использует в качестве своих предпосылок, что ему часто приходится делать, факты, представленные физической наукой, он не пытается их объяснить; он довольствуется констатацией их существования. Если ему нужно это доказать, он ищет свои доказательства, насколько может, в человеческом разуме. Таким образом, экономисту нет необходимости объяснять, почему труд не может быть применен на данном участке земли в неопределенном количестве с пропорциональной отдачей. Он сделал достаточно, когда доказал, что таков факт; и он доказывает это, показывая, исходя из принципов человеческой природы, что, если бы это было иначе, никакая земля, кроме самой плодородной и наилучшим образом расположенной, не была бы обработана. Таким образом, все технические термины политической экономии представляют либо чисто ментальные идеи, такие как *спрос*, *полезность*, *ценность* и *воздержание*, либо объекты, которые, хотя некоторые из них могут быть материальными, рассматриваются политэкономистом постольку, поскольку они являются результатами или

причинами определенных состояний человеческого разума, таких как *богатство, капитал, рента, заработная плата и прибыль*.

В следующей лекции я рассмотрю первый из двух оставшихся вопросов, а именно: к политической экономии лучше относиться как к науке или как к искусству.

ЛЕКЦИЯ III.

ПРИЧИНЫ ОТНОШЕНИЯ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК К НАУКЕ.

В следующей лекции я рассмотрю, к Политической экономии лучше относиться как к науке или как к искусству.

Если рассматривать Политическую экономию как науку, то ее можно определить как “науку, которая устанавливает законы, регулирующие производство и распределение богатства, в той мере, в какой они зависят от действий человеческого разума”.

Если к этому относиться как к искусству, то его можно определить как “искусство, которое указывает на институты и привычки, наиболее способствующие производству и накоплению богатства”. Или, если учитель отважится взглянуть шире, как на “искусство, которое указывает на институты и привычки, наиболее способствующие тому производству, накоплению и распределению богатства, которое наиболее благоприятно для счастья человечества”.

Согласно закону, который я уже упоминал как регулирующий прогресс знаний, Политическая экономия, когда в 17 веке она впервые привлекла внимание как предмет отдельного изучения, рассматривалась как искусство. В то время считалось, что человеческое счастье зависит главным образом от богатства, а богатство, как я уже отмечал ранее, должно было состоять из золота и серебра. Целью, которую политэкономист поставил перед собой и перед своим читателем, было накопление в его собственной стране как можно большего количества драгоценных металлов. Вопросы, которые сейчас волнуют общество, относительно распределения богатства, не принимались во внимание. Все, на что было направлено, - это его приобретение и удержание в металлической форме. Что касается стран, обладающих природными залежами драгоценных металлов, то предполагалось, что способы достижения этого будут очевидными и простыми. Им оставалось только способствовать добыче серебра из рудников и золота из золотоносных песков и запретить вывоз того и другого. Такова была политика Испании и Португалии. Страны, не располагавшие собственными запасами, могли получить их только благодаря тому, что называлось благоприятным торговым балансом, то есть путем экспорта в объеме, превышающем стоимость их импорта, и получения разницы в деньгах. И деньги, приобретенные таким образом, их учили сохранять, запрещая их вывоз. Преобладающее мнение отражено в преамбуле 5 Rich. II. stat. 1. глава 2., один из многих законов и прокламаций, посредством которых этот запрет соблюдался на протяжении веков.

“За великое зло, от которого страдает это королевство и которое долгое время творилось, из-за того, что золото и серебро вывозятся из королевства, так что, по сути, их ничего не осталось, и если бы это продолжалось, вскоре произошло бы разрушение того же королевства, что да запретит Бог”; и статут продолжает запрещать такой вывоз под страхом конфискации. Однако торговцы, которые обязательно были первыми, кто испытал действие этого запрета, сочли его неудобным. Некоторые виды торговли, особенно с Востоком, могли вестись только за счет постоянного вывоза золота или серебра, а во всех остальных это время от времени оказывалось полезным. Они не рискнули подвергнуть критике теорию о том, что процветание страны зависит от накопления денег. Вероятно, мало кто из них сомневался в ее истинности. Но они утверждали, что средства, с помощью которых законодательный орган пытался добиться этого превосходного результата, фактически свели его на нет. “Позвольте нам, ” сказали они, “отправлять серебро в Азию, и мы привезем шелка и ситец не для собственного потребления, что, конечно, было бы убытком, а для продажи на Континенте за большее количество серебра, чем они стоят, и мы будем ежегодно пополнять национальное достояние”. На это было дано согласие, и после более чем четырехвекового запрета экспорт слитков был разрешен 15-м Цар. II. сар. 17. “Поскольку, - говорится в законе, - поскольку некоторые значительные иностранные сделки не могут быть удобно осуществлены без видов денег и слитков, и что опытным путем установлено, что виды денег и слитки перевозятся в наибольшем изобилии, что касается общего рынка, в такие места, которые предоставляют полную свободу их экспорта, *и для того, чтобы лучше сохранить и увеличить количество текущих монет этого королевства*”, будет принято законное решение экспортировать все виды иностранных монет и слитков, предварительно ввезя их на таможенную”.

Искусство политической экономии теперь стало более сложным. Его цель, действительно, была очень простой - всего лишь увеличить ход монеты в стране; но это должно было быть достигнуто не путем ограничения всех операций, связанных со слитками, а только тех, которые производили больше, чем приносили. Но как можно было выявить такие сделки? Предполагалось провести проверку, установив, предназначался ли их импорт для внутреннего потребления или для реэкспорта. В первом случае торговля, независимо от того, выгодна она купцу или нет, была явно пагубной для страны.

Во втором случае торговля, если она выгодна торговцу, должна приносить пользу и стране, поскольку она получит больше денег, чем отправит. “Дело не в том, - говорит сэр Джеймс Стюарт[B], - что нация становится бедной из-за импорта иностранных товаров и экспорта золота и серебра; это происходит из-за потребления этих товаров при импорте. В тот момент, когда начинается потребление, баланс меняется. Нации, которые ведут торговлю с Индией, отправляя золото и серебро для получения взамен излишков самого потребляемого товара, потребление которого они запрещают у себя дома, тратят не свои собственные деньги, а деньги своих соседей, которые покупают их взамен для своего собственного потребления. Следовательно, нация может стать безмерно богатой за счет постоянного вывоза наличных денег и импорта потребляемых товаров. Но ей не мешало бы остерегаться походить на модистку, которой взбрело в голову носить тонкие кружева, которые она обычно шила для своих клиентов. Пока сохраняется благоприятный баланс внешней торговли, нация с каждым днем становится богаче; и когда одна нация становится богаче, другие должны становиться беднее”.

[B] Исследование принципов политической экономии, книга ii. глава xxix. стр. 418, 419 и 422.

Работа сэра Джеймса Стюарта была опубликована в 1767 году, и поскольку он говорит, что это была работа восемнадцати лет, она, должно быть, была написана между тем годом и 1749 годом. Хотя он называет Политическую экономию наукой, он относится к ней как к искусству, и его заслуга в том, что он первым установил для нее границы, четко отделяющие ее от других моральных и политических искусств. “Его цель состоит в том, - говорит он, - чтобы обеспечить определенный жизненный фонд для всех жителей, устранить все обстоятельства, которые могут сделать его ненадежным, обеспечить все необходимое для удовлетворения потребностей общества и использовать жителей таким образом, чтобы естественным образом создавать взаимные отношения и зависимость между ними, чтобы их различные интересы побуждали их удовлетворять взаимные потребности друг друга”. [C] Это согласуется с моим вторым предложением, а именно определить Политическую экономию как “искусство, которое указывает на институты и привычки, наиболее способствующие производству и накоплению богатства”. Как побочный продукт искусства, он был вынужден обратиться к науке, и значительная часть его работы состоит из исследований законов, регулирующих производство и распределение богатства. Выдержки, которые я прочитал, показывают, что он не избежал распространенных ошибок своего времени. И эти ошибки были настолько серьезными, что сделали практическую часть его трактата не просто бесполезной для намеченных целей, но и положительно вредной. Законодатель, следующий своим предписаниям, растратил бы богатство самой богатой страны и подорвал бы усердие самых трудолюбивых. Но научная часть работы, особенно главы о населении и о влиянии налогообложения на заработную плату, содержат истины огромной важности, которые были неизвестны его современникам, и нельзя сказать, что они получили всеобщее признание даже сейчас.

[C] Книга I. Введение.

Среди современников Стюарта были французские экономисты, или, как их недавно стали называть, физиократы, образовавшие школу, основанную Кенэ. За исключением, однако, Тюрго, они писали обо всем искусстве управления государством. Их работы, действительно, содержат трактаты по политической экономии в соответствии с моим третьим предложенным определением, то есть “об институтах и привычках, наиболее способствующих такому производству, накоплению и распределению богатства, которое наиболее благоприятно для счастья человечества”; но они содержат гораздо больше. Кенэ и его последователи жили в стране, где существовали политические институты, многие из которых были порочными, другие - несовершенными, и все они были неустроенными. То, что существующая система правления была плохой, признавали все. Экономисты полагали, что они обнаружили, почему она была плохой. Они верили, что открыли, что сельское хозяйство является единственным источником богатства, а рента - единственным законным источником государственных доходов. И поэтому они предложили заменить бесчисленные налоги на ввоз, на вывоз, на транзит, на производство, на продажу, на потребление и на личность человека, которые тогда составляли налоговую систему Франции, единым налогом на земельную ренту. До сих пор их предписания основывались на науке Политической экономии. Но когда они предложили разделить законодательные и судебные функции и потребовали сосредоточения всей законодательной власти в руках абсолютного наследственного монарха, они заимствовали свои предпосылки из других отраслей ментальной науки. Я уже говорил, что Тюрго был исключением; и примечательно, что единственный человек среди учеников Кенэ, который действительно

практиковал Политическую экономию как искусство, единственный, кто относился к ее принципам как к науке. Его “Размышления о формировании и распределении богатств”, опубликованные в 1771 году, представляют собой чисто научный трактат. В ней нет ни слова наставления, и она могла бы быть написана аскетом, который считал богатство злом.

Теперь мы переходим к Адаму Смиту, основателю современной политической экономии, независимо от того, рассматривать ли ее как науку или как искусство. Он рассматривал ее как искусство. “Политическая экономия,” говорит он во введении к четвертой книге, “предлагает две различные цели: во-первых, обеспечить обильный доход или средства к существованию для людей, или, точнее, дать им возможность самим обеспечивать такой доход или средства к существованию; и, во-вторых, обеспечить государство или общественное благо доходом, достаточным для государственной службы. Он предлагает обогатить как народ, так и государя”. Главная цель его работы состояла в том, чтобы показать ошибочность средств, с помощью которых политические экономисты предлагали достичь этих двух великих целей. А при тогдашнем уровне знаний это можно было сделать, только доказав, что многие из них ошибочно понимали природу богатства, а все они - законы, по которым оно производится и распределяется. Научная часть его работы - это всего лишь введение в то, что имеет практическое значение.

Из пяти книг, на которые разделено произведение, оно занимает только первую и вторую. Третья представляет собой исторический очерк развития национального благосостояния. В четвертой, самой длинной во всей работе, рассматриваются прямые вмешательства, с помощью которых правительства пытались привести или заставить своих подданных стать богатыми; и решается, “что каждая система, которая пытается либо путем чрезвычайного поощрения привлечь к определенному виду промышленности большую долю капитала общества, чем ей досталось бы естественным образом, либо путем чрезвычайных ограничений вытеснить из определенного вида промышленности некоторую долю капитала, которая в противном случае была бы в ней использована, в действительности подрывает великую цель, которую она призвана продвигать. Это замедляет, вместо ускорения, продвижение общества к реальному богатству и величию; и уменьшает, вместо увеличения, реальную стоимость годового продукта его земли и труда”.

“Следовательно, - добавляет он, - все системы предпочтения или ограничения, таким образом, полностью устраняются, очевидная и простая система естественной свободы устанавливается сама по себе. Согласно этой системе, у суверена есть только три обязанности: во-первых, обязанность защищать общество от насилия и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность защищать, насколько это возможно, каждого члена общества от несправедливости или угнетения любого другого его члена, или обязанность устанавливать точное отправление правосудия; и, в-третьих, обязанность возводить и поддерживать определенные общественные работы и определенные общественные институты, возведение и поддержание которых никогда не может отвечать интересам какого-либо человека или небольшого числа людей”.

Пятая книга, в которой указываются средства, с помощью которых наилучшим образом могут быть выполнены обязанности государя и обеспечены необходимые государственные доходы, по сути, является трактатом об искусстве управления. В ней говорится о вспомогательных искусствах войны, юриспруденции и образования. В нем рассматриваются преимущества и

недостатки религиозных пожертвований и даже детали противоположных систем патронажа и всенародного избрания, а также равенства и неравенство льгот. В нем подробно рассматриваются способы и последствия налогообложения и государственных займов, и в заключение приводится тщательно разработанный план уменьшения налогообложения Великобритании, требующий от всех британских зависимых стран, частью которых тогда были Ирландия и Северная Америка, вносить прямые взносы в имперскую казну.

Я часто сомневался, не следует ли нам пожелать, чтобы Адам Смит опубликовал свою пятую книгу отдельным трактатом с соответствующим названием. Это, безусловно, самая забавная и легкая часть “Богатства народов”, и она, должно быть, привлекла многих читателей, которых абстракции первой и второй книг, составившие отдельное произведение, оттолкнули бы. С другой стороны, включение столь великим авторитетом в один трактат и под одним названием многих предметов, относящихся к различным искусствам, несомненно, способствовало возникновению нечетких взглядов на природу и предметы политической экономии, которые, по-видимому, все еще преобладают.

Английские писатели, пришедшие на смену Адаму Смиту, обычно начинали с определения Политической экономии как науки и продолжали относиться к ней как к искусству.

Таким образом, м-р Мак-Куллох называет в качестве надлежащих предметов политической экономии “законы, регулирующие производство, накопление, распределение и потребление предметов или продуктов, обладающих меновой стоимостью”. Таким образом, политическая экономия - это наука. Но далее он говорит, что “цель политической экономии состоит в том, чтобы указать средства, с помощью которых трудолюбие человека может стать наиболее производительным источником богатства, обстоятельства, наиболее благоприятные для его накопления, и способ, при котором оно может быть с наибольшей выгодой потреблено”. В таком понимании Политическая экономия — это искусство, отрасль, фактически главная отрасль искусства управления государством.

Мистер Джеймс Милль говорит, что он имеет в виду просто установить законы производства, распределения и потребления. Следовательно, его трактат должен быть чисто научным. Но когда он говорит, что политическая экономия должна быть для государства тем же, чем домашняя экономика является для семьи, и что ее цель - найти средства для умножения объектов вожделения и разработать систему правил для их применения с наибольшей выгодой для достижения этой цели, он превращает ее в искусство.

Мистер Рикардо, однако, исключение. Его великая работа немногим менее научна, чем работа Тюрго. Его воздержание от предписаний и даже от иллюстраций, взятых из реальной жизни, тем более примечательно, что предметом его трактата является распределение, наиболее практичная отрасль политической экономии, и налогообложение, наиболее практичная отрасль распределения.

Современные экономисты Франции, Германии, Испании, Италии и Америки, насколько я знаком с их работами, все относятся к Политической экономии как к искусству.

Многие из них жалуются на то, что они называют абстракциями английской школы, а другие обвиняют ее в узости взглядов и исключительном внимании к богатству; критика, которая должна проистекать из мнения, что политическая экономия - это отрасль искусства управления

и что ее задача - влиять на поведение государственного деятеля, а не расширять знания философа.

Из этого поспешного наброска следует, что термин "Политическая экономия" еще не приобрел определенного значения и что, какое бы из трех определений я ни принял, я буду свободен от обвинения в том, что чрезмерно расширил или сузил область исследований, которую открыл передо мной устав, учреждающий эту профессорскую должность.

Многое говорит в пользу третьего определения, которое определяет Политическую экономию как искусство, которое учит тому, какое производство, распределение, накопление и потребление богатства в наибольшей степени способствует счастью человечества, и какие привычки и институты наиболее благоприятны для этого производства, распределения, накопления и потребления.

Это поднимает политического экономиста на командную высоту. Самая обширная, хотя, возможно, и не самая важная часть человеческой природы лежит в пределах его кругозора.

Обладание богатством - великий объект человеческих желаний, его производство - великая цель человеческих усилий. Способы и степень, в которых она распределяется, накапливается и потребляется, обуславливают принципиальные различия между нациями. Философ, который мог бы научить такому искусству, встал бы во главе благодетелей человечества.

Но тема слишком обширна для одного трактата или даже для одного ума. Это станет очевидным, если мы рассмотрим масштабы одной из ее подчиненных ветвей, пределы, которые будут установлены для посмертной власти. После смерти собственника должна ли его собственность возвращаться государству, как это происходит в Турции, или переходить к его детям, как это происходит во Франции, или подлежать его распоряжению на основании акта или завещания? Если она находится в его распоряжении, должен ли он обладать просто властью назначать своих непосредственных преемников или сохранять ее в течение одного поколения, или двух, или навсегда? Целесообразно ли, чтобы он имел право не только назначать наследника своей собственности, но и руководить тем, как этот преемник будет ее использовать? И должна ли такая власть быть неограниченной, или ограничиваться определенными целями, или в течение определенного периода? Должны ли законы о наследовании и силе завещания быть такими же, как в отношении земли и движимого имущества, или отличаться полностью, или в каких-либо деталях? Должны ли эти вопросы решаться по-разному в старой стране и в колонии, в монархии, в аристократии и в республике? Если политическая экономия является разделом искусства управления, то эти исследования образуют раздел, хотя и очень небольшой, Политической экономики.

Но едва ли найдется хоть один из них, для удовлетворительного ответа на который не потребовался бы длинный трактат. Сколько, например, соображений необходимо учитывать при обсуждении вопроса о целесообразности предоставления отдельным лицам возможности основывать постоянные учреждения для целей религии, образования и благотворительности, а также о периоде, в течение которого им должно быть позволено управлять ими из могилы?

Почти невозможно переоценить важность искусства управления государством. За исключением, возможно, морали, это самое полезное из умственных искусств; но, без каких бы

то ни было исключений, это самое обширное. Этому нельзя уделять слишком много внимания; но это внимание должно быть разделено. Над этим не может быть занято слишком много умов, но каждый должен выбрать одну область; и чем уже область, тем, конечно, полнее вероятность ее освоения.

Мое второе определение, определяющее Политическую экономию как искусство, которое учит тому, какие институты и привычки наиболее благоприятны для производства и накопления богатства, не подлежит подобным возражениям. Это открывает поле для исследования, действительно широкое, но сравнительно узкое. Целью, предлагаемой политэкономистом, является уже не человеческое счастье, а достижение одного из средств достижения человеческого счастья - богатства.

Возвращаясь к моим предыдущим примерам, он должен, как и в первом случае, спросить, следует ли, в соответствии с принципами политической экономии, предоставить отдельным лицам возможность распоряжаться тем, как имущество, приобретенное ими при жизни, будет использоваться после их смерти для обеспечения религиозного обучения, и в какой степени и на какие периоды должно применяться их посмертное законодательство; но он должен остановиться далеко от точки, до которой простирались бы его запросы, если бы он принял первое определение. Он должен ограничиться рассмотрением влияния таких институтов на производство и накопление богатства. Теперь ему незачем интересоваться, подразумевают ли пожертвования символы веры, а символы веры порождают безразличие или лицемерие; компенсируется ли раболепие иерархии ее лояльностью или буйство сектантства независимостью мышления. Ему больше не приходится сравнивать моральное и религиозное влияние одаренного с влиянием не одаренного духовенства. Он не спрашивает, вероятно ли, что мораль одного будет аскетической, а мораль другого - широтной; будет ли один иметь большее влияние на основную массу людей, а другой - на образованные классы; вероятно ли, что первый породит многочисленные соперничающие секты, воодушевленные рвением, но разжигаемые нетерпимостью, а другой - безответственным апатичным конформизмом. Это вопросы, находящиеся вне его юрисдикции. Но он исходит из общих принципов человеческой природы, что каждому цивилизованному обществу требуются религиозные учителя, и что этим учителям нужно платить за их услуги. Он показывает, опираясь на принципы политической экономии, что в каждом таком обществе существуют доходы, получаемые от земли или капитала, которые потребляются классом, не вынужденным принимать активного участия в их производстве, и наслаждающимся, следовательно, досугом, который они склонны тратить в праздности или на легкомысленные занятия. Он показывает, что выделять часть этих доходов на оплату труда религиозных учителей - значит просто заменять определенное количество мирян-землевладельцев или мирских держателей средств, не связанных выполнением общественных обязанностей, церковными держателями средств или церковными землевладельцами, оказывающими в обмен на свои доходы услуги, которые в соответствии с так называемой добровольной системой должны быть приобретены теми, кто в них нуждается. Он показывает, что такое посвящение должно уменьшить число праздных людей, и, следовательно, увеличить производительную активность сообщества, и уменьшить предметы необходимых расходов, и, следовательно, увеличить его располагаемый доход; и он делает вывод, что богатство общества может быть увеличено, если позволить создавать такие пожертвования. Далее он может показать, что такие пожертвования могут перестать способствовать обогащению, если законодательная власть основателя будет неограниченной, поскольку доктрины, распространение которых он приказал, возможно, изначально были

непопулярны или могут стать таковыми по мере развития знаний. Поэтому политэкономист может рекомендовать, чтобы все такие учреждения были поставлены под контроль законодательной власти, чтобы не допустить растраты средств на обеспечение учителей, для которых нет конгрегаций, и чтобы они также подвергались периодическому пересмотру, чтобы привести предложение обучения в соответствие со спросом.

Он может перейти к рассмотрению различных форм пожертвований в виде десятины, земли, арендной платы и вложения денег. Он может показать, как первое является препятствием для всякого улучшения, а второе - для улучшения со стороны землевладельца; как третье уменьшается с ростом богатства, а четвертое может исчезнуть вместе с фондом, на котором оно обеспечено. И он может предложить средства для устранения этих различных неудобств. Если он пойдет дальше, он перейдет от искусства богатства к искусству управления.

Я представил эту довольно длинную иллюстрацию не только как пример различных способов, с помощью которых следует рассматривать *искусство* политической экономии, в соответствии с определением, которое дает преподаватель, но и как образец объема и разнообразия деталей, в которые он должен вникнуть, даже если он примет менее обширное определение.

Но это еще не все. Я уже отмечал, что все практические искусства черпают свои принципы из наук. Однако, если бы преподаватель какого-либо искусства попытался преподавать также различные науки, на которых оно основано, его трактату не хватало бы единства предмета и он был бы неудобно длинным. Поэтому он обычно считает свои научные принципы устоявшимися и ссылается на них как на хорошо известные. Учитель медицинского искусства просто ссылается на факты, образующие науки анатомию и химию; учитель риторики предполагает, что его ученик знаком с наукой логики и с наукой грамматики. Таким образом, можно рассматривать многие науки и искусства, которые подчинены искусству Политической экономии. Политический экономист, например, предполагает, что защита от внутреннего или внешнего насилия или мошенничества необходима для любого значительного производства или накопления богатства, и он рассматривает средства, с помощью которых расходы на обеспечение этой защиты могут быть наилучшим образом поддержаны; но он не интересуется, каковы необходимые правовые и военные институты. Он предоставляет указать на это военным искусствам, уголовной и гражданской юриспруденции, а также наукам, от которых зависят эти искусства.

Однако есть одна наука, к которой этот подход пока не может быть применен, и это наука, наиболее тесно связанная с искусством политической экономии, то есть наука, устанавливающая законы, регулирующие производство, накопление и распределение богатства, или, другими словами, наука (в отличие от искусства) самой Политической экономии. Я верю, что придет время, возможно, в жизни некоторых из нас, когда контуры этой науки будут четко сформулированы и общепризнаны, когда ее номенклатура будет устоявшейся, а ее принципы станут частью элементарного обучения. Преподаватель искусства политической экономии тогда сможет ссылаться на принципы науки как на знакомые и признанные истины. Едва ли нужно повторять, насколько это далеко от истины в настоящее время. Без сомнения, многие законы этой науки были открыты, и некоторые из них общепризнаны; и некоторые из ее терминов были определены, и определения приняты. Тем не менее, как я отметил в первой Лекции, остается еще многое исследовать и многое объяснить. Мы все еще далеки от границ того, что должно быть познано, и еще дальше от какого-либо общего согласия относительно

того, что известно. Следовательно, каждый автор, пишущий об искусстве политической экономии, вынужден предварять или вплетать в свои наставления свои собственные взгляды на науку и, таким образом, добавлять к практической части своего труда научную часть, возможно, равной длины. Мне кажется, что пять лет, в течение которых сохраняется это профессорское звание, - слишком короткий срок для столь масштабного начинания. Поэтому я предлагаю избрать своим предметом не искусство, а гораздо более узкую область - науку; и в следующих лекциях объяснить общие законы, регулирующие производство, накопление и распределение богатства, предоставив писателям, обладающим большим досугом, указывать на то, какие институты наиболее благоприятны для его производства и накопления, а спекулянтам с еще более широкими взглядами - говорить о том, какие производство, накопление, распределение и потребление наиболее благоприятны для человеческого счастья.

Но хотя я в значительной степени следую примеру Тюрго и Рикардо, я не предлагаю следовать ему безоговорочно. Хотя я заявляю, что преподаю только теорию богатства, я не отказываюсь от права рассмотреть ее практическое применение. Действительно, есть что-то внушительное и почти соблазнительное в произведении чистой науки, особенно если это наука, связанная с человеческими делами. Мы восхищаемся беспристрастностью философа, который обсуждает вопросы, волнующие народы, не вмешиваясь в борьбу и не замечая, как можно использовать истины, которые он распространяет. И мы со сравнительной готовностью допускаем выводы, на которые, по-видимому, не повлияла страсть, великая помеха наблюдению и рассуждению. Это было одной из главных причин популярности Рикардо. Он был первым английским писателем, представившим Политическую экономию в чисто научной форме. Обычно он логично рассуждает, так что его выводы редко можно опровергнуть, если признать его предпосылки, а с его предпосылками обычно приходится соглашаться, поскольку они обычно гипотетичны. Люди были рады найти то, что казалось прочной опорой в новой и явно неустойчивой науке, и с готовностью соглашались с теориями, которые явно не вели к практике. Но хотя было бы желательно, чтобы время от времени появлялся писатель, способный и желающий трактовать науку в этой строгой и абстрактной манере, его трактат будет более полезен мастерам, чем студентам. Для тех, кто уже знаком с предметом, для тех, кто уже осознал, насколько глубоко человечество заинтересовано в получении правильных взглядов на законы, регулирующие производство и распределение богатства, голое изложение этих законов, хотя оно и не должно обладать элегантностью Тюрго или оригинальностью Рикардо, все же должно быть полезным и даже приятным. Простому студенту это показалось бы отталкивающим. Его должно привлекать к политической экономии то, что он время от времени видит ее практическое применение. Его следует научить тому, что он изучает науку, состоящую из принципов, которыми ни один государственный деятель, ни законодатель, ни магистрат, ни даже член попечительского совета не может спокойно пренебречь. И лучше всего это будет достигнуто, если представить ему примеры добра, которое было сделано благодаря соблюдению этих принципов, и зла, которое стало наказанием за пренебрежение ими. Поэтому я считаю себя вправе привести эти примеры. Я считаю себя вправе, например, показать, как институт законов о бедных может повлиять на естественное распределение богатства. И я не буду ограничиваться их влиянием на богатство. Я рассмотрю, насколько хорошо сформулированный закон о бедных может способствовать как моральному, так и материальному благосостоянию трудящихся классов, а плохо применяемый закон о бедных может привести к моральной, интеллектуальной и физической деградации. Но эти дискуссии следует рассматривать как эпизоды. Они не

являются частью науки, которую я исповедую. Я войду в них не как политический экономист, а как государственный деятель или моралист; и я буду ожидать от тех, кто окажет мне честь выслушать их, не полной убежденности, которая следует за научными рассуждениями, но определенного согласия, которое дается предписаниям искусства.

В следующей лекции я рассмотрю, на каких принципах удобнее основывать политическую экономию - позитивных или гипотетических.

ЛЕКЦИЯ IV.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ - ПОЗИТИВНАЯ, а НЕ ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ НАУКА.—ОПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВА.

В настоящей лекции я рассмотрю, может ли наука политической экономии более удобно основываться на позитивных или гипотетических принципах, а затем более полно, чем я это делал до сих пор, объясню смысл, в котором я использую слово "богатство". М-р Джон Милль, который внес большой вклад в политическую экономию, как, впрочем, и в любую науку, к которой он прикасался, утверждает, что она основана на гипотезе. Поскольку изменить формулировку мистера Милля к лучшему невозможно, я приведу существенные части отрывка, в котором он излагает и поддерживает это мнение.

“Политическая экономия”, [D] он говорит: “рассматривает человека исключительно как существо, которое желает обладать богатством и которое способно судить о сравнительной эффективности средств для достижения этой цели. Она предсказывает только те явления социального государства, которые возникают в результате погони за богатством. Это полностью абстрагирует от любых других человеческих страстей или мотивов, за исключением тех, которые могут рассматриваться как постоянно противодействующие стремлению к богатству принципы; а именно, отвращение к труду и желание текущего наслаждения дорогостоящими удовольствиями. Их он в определенной степени учитывает в своих расчетах, потому что они не просто, подобно другим желаниям, время от времени вступают в конфликт со стремлением к богатству, но всегда сопровождают его как препятствие и, следовательно, неразрывно связаны с его рассмотрением. Политическая экономия рассматривает человечество как занятое исключительно приобретением и потреблением богатства, и ставит своей целью показать, к какому образу действий было бы побуждено человечество, живущее в общественном состоянии, если бы этот мотив, за исключением той степени, в которой он сдерживается двумя постоянными контрмотивами, упомянутыми выше, был абсолютным правителем всех их действий. Под влиянием этого желания оно показывает человечество, накапливающее богатство и использующее богатство для производства другого богатства; санкционирующее по взаимному согласию институт собственности; устанавливающее законы, препятствующие отдельным лицам посягать на собственность других силой или обманом; принимающее различные ухищрения для повышения производительности своего труда; устанавливающее

разделение продукта по соглашению под влиянием конкуренции (сама конкуренция регулируется определенными законами, которые, следовательно, являются конечными регуляторами разделения продукта) и применяющее определенные средства, такие как деньги, кредит и т.д., для облегчения распределения. Все эти операции, хотя многие из них на самом деле являются результатом множества мотивов, рассматриваются Политической экономией как проистекающие исключительно из желания разбогатеть. Затем наука переходит к исследованию законов, управляющих этими несколькими операциями, исходя из предположения, что человек - это существо, которое в силу необходимости своей природы определено предпочитать большую долю богатства меньшей во всех случаях, без какого-либо иного исключения, кроме того, которое обусловлено двумя уже указанными противоположными мотивами. Не потому, что какой-либо политэкономист был когда-либо настолько абсурден, чтобы предполагать, что человечество действительно устроено таким образом, но потому, что это способ, которым наука обязательно должна развиваться. Когда следствие зависит от совпадения причин, эти причины должны изучаться по одной, а их законы - отдельно, если мы хотим через причины получить способность либо предсказывать, либо контролировать следствие; поскольку закон следствия составлен из законов всех причин, которые его определяют. Закон центростремительной и тангенциальной силы должен был быть известен еще до того, как можно было объяснить движения земли и планет или предсказать многие из них. То же самое относится и к поведению человека в обществе. Чтобы судить о том, как он будет действовать при разнообразии желаний и отвращений, которые одновременно воздействуют на него, мы должны знать, как он будет действовать при исключительном влиянии каждого из них в отдельности. Пожалуй, нет ни одного действия в жизни человека, в котором он не находился бы ни под непосредственным, ни под отдаленным влиянием какого-либо импульса, кроме простого желания богатства. Что касается тех сторон человеческого поведения, для которых богатство даже не является главным объектом, то к ним Политическая экономия не претендует на применимость своих выводов. Но существуют также определенные сферы человеческих отношений, в которых приобретение богатства является главной и признанной целью. Политическая экономия обращает внимание только на них. Способ, которым это неизбежно происходит, заключается в том, чтобы рассматривать главную и признанную цель так, как если бы это была единственная цель; которая из всех одинаково простых гипотез наиболее близка к истине. Политический экономист спрашивает, какие действия были бы вызваны этим желанием, если бы в рассматриваемых ведомствах ему не препятствовало никакое другое?

[D] Очерки по некоторым нерешенным вопросам политической экономии, стр. 137, 138, 139, 140, 144, 145.

“Он рассуждает, и, как мы утверждаем, обязательно должен рассуждать, исходя из предположений, а не из фактов. Она построена на гипотезах, строго аналогичных тем, которые под названием определений лежат в основе других абстрактных наук. Геометрия предполагает произвольное определение линии, “той, которая имеет длину, но не ширину”. Точно так же Политическая экономия предполагает произвольное определение человека как существа, которое неизменно делает то, с помощью чего оно может получить наибольшее количество предметов первой необходимости, удобств и роскоши с наименьшим количеством труда и физического самоотречения, с помощью которых они могут быть получены при существующем уровне знаний. Верно, что это определение человека формально не является префиксом ни к одной работе по политической экономии, подобно тому, как определение линии является

префиксом к "Элементар" Евклида; и по мере того, как, будучи таким префиксом, оно подвергалось бы меньшей опасности быть забытым, мы можем видеть основания для сожаления, что этого не сделано. Правильно, чтобы то, что предполагается в каждом частном случае, раз и навсегда предстало перед умом в полном объеме, будучи где-то формально сформулированным в качестве общей максимы. Итак, ни один человек, знакомый с систематическими трактатами по политической экономии, не усомнится в том, что всякий раз, когда политэкономист доказывал, что, действуя определенным образом, рабочий, очевидно, может получить более высокую заработную плату, капиталист - большую прибыль или землевладелец - более высокую ренту, он, как само собой разумеющееся, заключает, что они, несомненно, будут действовать именно таким образом. Политическая экономия, следовательно, рассуждает исходя из предполагаемых предпосылок — из предпосылок, которые могут быть совершенно необоснованными на самом деле и которые не претендуют на всеобщее соответствие с ней. Следовательно, выводы политической экономии, как и выводы геометрии, верны, как говорится, абстрактно; то есть они верны только при определенных предположениях, в которых принимаются во внимание только общие причины — причины, общие для всего рассматриваемого класса случаев”.

Я извлек этот длинный отрывок, потому что он представляет собой четкое изложение оригинального взгляда на науку Политической экономии — взгляда настолько правдоподобного, более того, настолько философского, что я чувствую себя обязанным либо принять его, либо полностью изложить причины, по которым я его отвергаю. Я не знаю ни одного автора, за исключением, возможно, мистера Меривейла, который выразил бы формальное согласие с доктриной мистера Милля; но мистер Рикардо практически согласился с ней.

Его трактовка науки, действительно, еще более абстрактна, чем та, что предложена мистером Миллем. Он добавляет к гипотезе мистера Милля другие допущения, столь же произвольные; и все свои иллюстрации он черпает не из реальной жизни, а из гипотетических случаев. На основе этих материалов он разработал теорию распределения богатства, обладающую почти математической точностью.

Но ни рассуждения мистера Милля, ни пример мистера Рикардо не побуждают меня относиться к Политической экономии как к гипотетической науке. Я не считаю это необходимым, а если и ненужным, то не считаю это желательным.

Мне кажется, что если мы заменим гипотезу м-ра Милля о том, что богатство и дорогостоящие удовольствия являются *единственными* объектами человеческого желания, утверждением, что они являются универсальными и постоянными объектами желания, что их желают все люди и во все времена, мы заложим столь же прочную основу для наших последующих рассуждений и заменим произвольное предположение истиной. Правда, мы не сможем из того факта, что, действуя определенным образом, рабочий может получить более высокую заработную плату, капиталист - большую прибыль или землевладелец - более высокую ренту, сделать вывод о том, что они непременно будут действовать таким образом, но мы сможем сделать вывод, что они будут поступать так при отсутствии тревожащих причин. И если мы сможем, как это часто бывает, указать случаи, в которых можно ожидать существования этих причин, и силу, с которой они, вероятно, будут действовать, мы устраним все возражения против позитивного подхода, противоположного гипотетическому подходу науки.

Я уже говорил, что гипотетическая трактовка науки, если в ней нет необходимости, нежелательна. Мне кажется, здесь возможны три серьезных возражения. Во-первых, это явно непривлекательно. Никто не слушает изложение того, каким могло бы быть положение вещей при данных, но нереальных условиях, с таким интересом, с каким он слушает изложение того, что происходит на самом деле.

Во-вторых, писатель, исходящий из произвольно принятых посылок, рискует время от времени забывать об их необоснованности и спорить так, как если бы они были правдой. Это было источником многих ошибок Рикардо. Он предположил, что земля в каждой стране имеет разную степень плодородия, а рента - это величина разницы между плодородием лучшей и наихудшей обрабатываемой земли. Оставшуюся часть продукта он разделил на прибыль и заработную плату. Он исходил из того, что заработная плата естественным образом составляет ни больше, ни меньше количества товаров, которое природа или привычка сделали необходимым для поддержания здоровья и сил рабочего и его семьи. Он предположил, что по мере роста численности населения и богатства постоянно используются все более и более плохие почвы и что, следовательно, сельскохозяйственный труд становится все менее и менее пропорционально производительным; и он сделал вывод, что доля продукта земли, получаемая землевладельцем и рабочим, должна постоянно увеличиваться, а доля, получаемая капиталистом, постоянно уменьшаться.

Это был логический вывод, и, следовательно, он был бы верен на самом деле, если бы принятые посылки были верны. Факт, однако, в том, что почти каждая из них ложна. Неверно, что рента зависит от разницы в плодородии различных обрабатываемых участков земли. Она могла бы существовать, если бы вся территория страны была одинакового качества. Неверно, что рабочий всегда получает именно то, что необходимо для жизни, или даже то, что обычный заставлял его считать необходимым. В цивилизованных странах он почти всегда получает гораздо больше; в варварских странах он время от времени получает меньше. Неверно, что по мере роста благосостояния и численности населения сельскохозяйственный труд становится все менее и менее пропорционально производительным. Кукуруза, выращиваемая сейчас с наибольшим трудом в Англии, выращивается с меньшими затратами труда, чем та, которая выращивалась с наименьшими затратами труда триста лет назад, или чем та, которая сейчас выращивается с наименьшими затратами труда в Польше. Неверно, что доля продукта, получаемого капиталистом, наименьшая в самых богатых странах. Это страны, в которых она, как правило, наибольшая. мистер Рикардо, безусловно, был прав, предполагая свои предпосылки, при условии, что он всегда осознавал и всегда держал в уме, что они были всего лишь предположительными. Однако иногда кажется, что он этого не знает, а иногда забывает. Таким образом, он утверждает как действительный факт, что в развивающейся стране трудность получения сырых продуктов постоянно возрастает. Он утверждает как реальный факт, что налог на заработную плату падает не на рабочего, а на капиталиста.

Он утверждает, что десятина вызывает пропорциональное повышение цены хлеба и пропорциональное повышение заработной платы и, следовательно, является налогом на капиталиста, а не на землевладельца. Должности, обе из которых зависят от предполагаемого фиксированного размера заработной платы.

Третьим возражением против рассуждений на основе гипотезы является ее склонность к ошибкам либо из-за нелогичного вывода, либо из-за упущения какого-либо элемента,

обязательно относящегося к предполагаемому случаю. Когда писатель берет свои послышки из наблюдений и сознания и выводит из них то, что, по его мнению, является реальными фактами, если он допустил какую-либо серьезную ошибку, это обычно приводит его к какому-нибудь поразительному выводу. Таким образом, он предупреждается о вероятном существовании необоснованной посылки или нелогичного вывода, и, если он благоразумен, пытается вернуться назад до тех пор, пока не обнаружит свою ошибку. Но странность результатов гипотезы не дает никаких предупреждений. Мы ожидаем, что они будут отличаться от того, что мы наблюдаем, и поэтому теряем это случайное средство проверки правильности наших рассуждений.

Иллюстрацию этого можно найти в в высшей степени остроумной и в высшей степени ошибочной работе полковника Торренса под названием “Бюджет”. Полковник Торренс полагает, что торговый мир состоит только из двух стран, равных по богатству и цивилизации, которые он называет Англией и Кубой. Он предполагает, что Англия обладает особыми преимуществами в производстве шерсти, а Куба - в производстве сахара, и что сукно одной и сахар другой свободно обмениваются пропорционально труду, затраченному на каждую из них. Затем он предполагает, что Куба введет пошлину на английское сукно, что, конечно, в определенной степени предотвратит его импорт; и он заявляет, что следствием этого было бы то, что Англии пришлось бы посылать деньги на Кубу за сахар до тех пор, пока вывоз денег не обнищал бы Англию, а их ввоз не обогатил бы Кубу.

Теперь, если бы полковник Торренс, вместо гипотетических рассуждений, взял реальные случаи, если бы он исследовал, например, результаты применения запретительной системы во Франции и пришел к выводу, что эта система увеличивает ее богатство, странность такого результата заставила бы его заподозрить ошибку в его фактах или рассуждениях. Но странность результата воображаемого дела не вызвала у него подозрений. Дело в том, что его гипотетический аргумент ошибочен; и ошибка состоит в том, что он не принял во внимание элемент, по существу относящийся к его предполагаемому делу, а именно влияние коммерческих ограничений на эффективность труда. Если бы он принял этот элемент во внимание, он обнаружил бы, что Куба из-за своей запретительной системы снизила бы производительную силу своего труда и, следовательно, сочла бы своим интересом импортировать из Англии товары, которые она ранее производила дома; так что конечным результатом, вероятно, был бы скорее экспорт золота с Кубы, чем из Англии.

Книга полковника Торренса всегда напоминает мне костюм, который портной из Лапуты скроил по гипотетическим данным. Однако, к несчастью, к чести художника из Лапуты, Гулливер примерил их, и ошибка, допущенная в расчетах, проявилась во всех формах несоответствия. К счастью для полковника Торренса и к счастью для нас самих, мы не опробовали его теорию.

Но хотя возражения против основания науки на гипотезе кажутся мне решающими, я не отказываюсь от гипотетических иллюстраций. Такие иллюстрации не только делают абстрактные рассуждения более понятными, но и часто выявляют их ошибки. Выводы, которые казались правильными, когда использовались расплывчатые термины капитала и труда, прибыли и заработной платы, часто оказываются ошибочными, когда гипотетический пример воплощает эти абстракции и пытается показать моральные и физические процессы, посредством которых был бы получен предполагаемый результат. Отсутствие таких иллюстраций - один из главных недостатков Адама Смита. Возможно, именно этот недостаток

способствовал популярности его работ. Такие иллюстрации, какими бы полезными они ни были, всегда создают впечатление чопорности и педантичности. Невнимательный читатель или слушатель пренебрегает ими, а настоящий ученик раздражен необходимостью изучать *драматическое лицо* воображаемого случая. Но если бы Смит использовал их, он, вероятно, избежал бы некоторых ошибок и уберег бы своих преемников от многих других. Его пример в этом и некоторых других отношениях ввел свободный, популярный подход к политической экономии, который в основном затормозил ее прогресс.

Следует отметить, что я до сих пор использовал слово "богатство", не давая ему определения. Я сделал это, потому что я использую его в популярном смысле и потому что идеи, обычно связанные с этим словом, кажутся мне достаточно точными, чтобы предотвратить любую опасность того, что мои слушатели неправильно его поймут. Однако теперь, завершив введение в науку политической экономии, обозначив ее область применения и изложив способ, которым я намерен ее рассматривать, я считаю целесообразным формально определить термин, который выражает ее предмет. И это по двум причинам. Во-первых, потому, что в научной работе должен быть определен каждый технический термин; и, во-вторых, потому, что этот термин использовался многими из тех, кто был до меня, в смыслах, отличных от того, который принимаю я.

При обычном использовании, и я думаю, что это наиболее удобное использование, богатство охватывает все те вещи, и только те, которые прямо или косвенно становятся предметом купли-продажи, сдачи в аренду. Для этой цели они должны, в первую очередь, обладать полезностью, или, другими словами, быть способными доставлять удовольствие или предотвращать боль, поскольку никто не стал бы покупать или брать напрокат что-либо абсолютно бесполезное. Во-вторых, их должно быть ограниченное количество, поскольку никто не станет покупать ничего, чего он мог бы приобрести столько, сколько ему заблагорассудится, просто завладев этим. Запасы воды в открытом море практически неограниченны; любой, кто решит отправиться за ней, может иметь ее столько, сколько ему заблагорассудится. Часть его, которая была доставлена в Лондон для принятия ванн с соленой водой, ограничена и, следовательно, не может быть получена бесплатно. В-третьих, нет такого богатства, которое нельзя было бы присвоить. Хорошая погода полезна, и ее запасы ограничены, но это не богатство, поскольку ее нельзя присвоить. Некоторые вещи можно присвоить только при особых обстоятельствах. На обширной, малонаселенной равнине свет и воздух невозможно присвоить, каждый житель может наслаждаться ими в равной степени; но в городе один дом отбирает их у другого. В городском доме, окруженном открытым пространством, их больше, чем в одном на улице. Владелец такого дома и земли, которая его окружает, практически присвоил себе его особые преимущества в виде света и воздуха; они повышают его ценность и составляют, следовательно, часть его богатства. Он даже может продать их, не расставаясь со своим домом, продав привилегию возводить здания, которые будут мешать им. В-четвертых, как следует из определения, ничто не может быть богатством, которое не подлежит прямой или косвенной передаче. Высокое происхождение приятно и редко встречается, оно может увеличить счастье своего обладателя, но, поскольку оно абсолютно не поддается передаче, оно не является частью его богатства. Большинство наших личных качеств могут передаваться лишь косвенно; они могут передаваться не сами по себе, а воплощены в товарах, которые может производить их обладатель, или в услугах, которые он может оказывать. Мастерство художника можно передать в виде товара, его картин; мастерство хирурга - в виде услуги, ловкости, с которой он выполняет операцию. Такие качества утрачиваются со смертью владельца, или могут быть ослаблены или

уничтожены болезнью, или обесцениваются изменениями в обычаях страны, которые кладут конец спросу на их продукцию. Даже для одного и того же человека и при одних и тех же обстоятельствах во всех других отношениях они могут стать богатством или перестать быть им просто вследствие изменения социального положения их владельца. Когда мисс Линли стала миссис Шеридан, ее способность действовать и пение перестали быть богатством; они оставались предметом восхищения частных обществ, но больше не были предметом продажи. Если бы Шеридан снизошел до получения дохода на таких условиях, достижения его жены обогатили бы его. Однако с учетом этих непредвиденных обстоятельств личные качества - это богатство, и богатство самого ценного рода. Размер дохода, получаемого от их осуществления в Англии, намного превышает арендную плату за все ее земли.

Слова "богатство" и "ценность" различаются как субстанция и атрибут. Все те вещи, и только те, которые составляют богатство, являются ценными. Поскольку значение термина "ценность" было предметом долгих и ожесточенных споров, в будущем я несколько подробнее рассмотрю различные значения, которые ему придавались. В настоящее время достаточно сказать, что я использую это слово в его популярном понимании, как обозначающее в чем-либо качество, которое подходит для того, чтобы его давали и получали взамен, или, другими словами, сдавали в аренду или продавали, нанимали или покупали.

Из этого определения богатства следует, что в обществе, наслаждающемся совершенным изобилием, богатства не было бы. Если бы каждый объект желания мог быть приобретен одним желанием, ничто не имело бы ценности и ни на что не обменивалось бы. Из этого следует также, что можно представить себе, по крайней мере, временное уменьшение богатства сообщества, вызванное увеличением их средств к существованию. Это было бы непосредственным следствием любой причины, которая привела бы к изменению объема поставок любого полезного товара с ограниченного на неограниченный. Таким образом, если бы климат Англии мог внезапно измениться на климат Боготы, а тепло, которое мы несовершенно и дорого извлекаем из топлива, поступало бы от солнца, топливо перестало бы быть полезным, разве что как один из производительных инструментов, используемых искусством. Нам больше не понадобились бы решетки или каминные решетки в наших гостиных. То, что раньше составляло значительную собственность в виде оборудования домов, товарных запасов и материалов, потеряло бы ценность. Уголь упал бы в цене; самые дорогие шахты были бы заброшены; те, которые сохранились, давали бы меньшую арендную плату. Собственники и торговцы, особенно пострадавшие от перемен, потеряли бы не только в богатстве, но и в средствах наслаждения. Владелец шахты, арендная плата которого упала с 20 000л. в год до 10 000л., не получил бы компенсации за счет экономии топлива в каждой комнате, кроме своей кухни. С другой стороны, люди, не имеющие собственных каминов или угольных погребов, ничего не потеряли бы, а остальной мир потерял бы только в стоимости своих решеток, дымоходов и запасов угля; и все получили бы удовольствие, получив возможность потратить на другие цели деньги, которые они ранее платили за искусственное отопление. И все же на какое-то время богатства стало бы меньше. Это время, действительно, было бы коротким; капитал и труд, ранее затрачивавшиеся на обогрев наших квартир, были бы направлены на производство новых товаров. Дешевизна угля увеличила бы предложение промышленных товаров, и тогда богатства стало бы столько же, сколько было до перемен; вероятно, больше, и уж точно гораздо больше наслаждений. Вероятно, соль составляет меньшую часть богатства Англии, чем Индостана, хотя у каждого англичанина ее в двадцать раз больше, чем у каждого индуса. Англичанину

позволено свободно пользоваться обильными ресурсами, предоставленными природой. В Индостане существует естественный дефицит, который правительство усугубляет в десять раз.

Мы можем представить себе случай, когда неограниченное изобилие уничтожило бы не только стоимость, но и полезность целого класса товаров; помешало бы им не только быть объектами обмена, но даже быть объектами желания. Это было бы справедливо в отношении всех товаров, единственная полезность которых заключается в том, чтобы быть средством демонстрации богатства. Если бы изумруды внезапно стали такими же обильными, как галька, их больше нельзя было бы использовать в качестве украшений; и если бы им нельзя было найти другого применения, а я не знаю ни одного, они не имели бы ценности. Все их обладатели на момент изменения оказались бы беднее, и ни они, ни кто-либо другой не получили бы компенсации за счет каких-либо возросших средств наслаждения. Это было бы простым уничтожением богатства.

Возможно, также стоит отметить, что вещи могут быть богатством для отдельных людей, не составляя части богатства сообщества, к которому принадлежат эти люди. Это относится почти ко всем богатствам, созданным искусственным ограничением предложения. Монополии, которыми Елизавета награждала своих фаворитов, были богатством для них, но уменьшали богатство остальной части общества. То же самое можно сказать о патентном праве или о секретности производственного процесса. Сам процесс, защищенный патентом или секретностью, является частью богатства сообщества, поскольку он позволяет им иметь больше или более качественных товаров; но монополия, предоставляемая патентом или охраняемая секретностью, является богатством только для ее владельца. Как только действие патента прекращается или секрет разглашается, богатство общества увеличивается за счет увеличения количества товаров, для производства которых теперь каждый может применить этот процесс.

Опять же, государственный долг - это богатство для владельцев акций, но поскольку сумма, полученная в виде дивидендов, выплачивается в виде налогов, она не может составлять часть богатства нации. Если бы действительно эти две суммы точно совпадали, если бы не было расходов на сбор налогов и если бы налоги не мешали производству богатства, государственный долг не уменьшил бы национальное богатство, хотя и не мог бы его увеличить. Это был бы простой вопрос распределения. Но расходы на сбор национального дохода и вмешательство налогообложения в производство представляют собой чистый убыток; и по сумме этих двух источников расходов и потерь мы были бы богаче, если бы государственный долг был погашен.

Богатство, которое состоит просто из права или кредита со стороны А. с соответствующей обязанностью или долгом со стороны Б., не рассматривается политэкономистом. Он имеет дело с вещами, которые являются объектами права или кредита, а не с требованиями или обязательствами, которые могут повлиять на них. Фактически, заслуга заключается лишь в том, что Б. имеет в своих руках часть имущества А.

Я уже говорил, что мое определение богатства отличается от того, которое было принято многими моими предшественниками. Некоторые политэкономисты распространяют этот термин на все объекты человеческих желаний; другие ограничивают его тем, что они называли материальными продуктами; а третьи - вещами, которые нельзя приобрести или произвести без труда. Возражения против первого определения очевидны. Если богатство является предметом политической экономии, а богатство включает в себя все, чего желает человек, то

Политическая экономия, будь то наука или искусство, является наукой или искусством, которые трактуют о человеческом счастье — предмет, как я уже отмечал, слишком обширный, чтобы быть включенным в один трактат. Второй вариант, который ограничивает богатство материальными объектами, более правдоподобен. Он включает в себя все видимое богатство, он включает в себя все богатство, которое можно напрямую и полностью продать. Вещи, которые она исключает, являются всего лишь объектами интеллекта. Ими можно делиться, но нельзя передать полностью, поскольку владелец, хотя и может передать их, не может сам от них отказаться; они могут производить постоянные эффекты, но исчезают сами по себе вместе с индивидуальным разумом, качествами которого они являются. Но поскольку в других отношениях они подчиняются тем же законам, что и материальное богатство, добываются теми же средствами и обязаны своей ценностью тем же причинам, я считаю их исключение фатальным возражением против определения богатства. Определение, которое ограничивает богатство вещами, которые не могут быть приобретены или произведены без труда, мало отличается от моего, которое ограничивает его вещами, ограниченными в предложении. Все, что должно быть получено трудом, неизбежно ограничено в предложении, поскольку ограничено и само предложение рабочей силы; и, с другой стороны, фактически едва ли существуют товары, если таковые вообще существуют, с ограниченным предложением и способные к передаче, которые могут быть получены без какого-либо труда. Таким образом, богатство всегда оказывается подверженным обоим этим факторам. При этом ценность, по-видимому, не зависит исключительно ни от одного из них. Четверть зерна с лучшей и одна с худшей земли одинакового качества продаются на одном и том же рынке по одинаковой цене, хотя одно из них может стоить в три раза больше труда, чем другое. Картины Ханса Хемлинга представлены гораздо более ограниченным тиражом, чем картины Рафаэлле, и все же они продаются гораздо дешевле.

Однако мы можем разделить эти два качества в нашем сознании. Можно предположить, товар полезный и передана быть ограничена, но это предложение будет безвозмездно предоставляемой по своей природе. О 1,980,000 кг. вес серебра должна быть теперь ежегодно поставляется. Теперь, если бы точно такое же количество чистого серебра, какое сейчас производится ежедневно в каждом аффинажном цехе, каждый день сверхъестественным образом откладывалось на столе в аффинажном цехе, и все другие источники поставок прекратились, серебро по-прежнему было бы ограниченным в поставках, как и сейчас, но его больше нельзя было бы добывать трудом. Есть ли какие-либо основания предполагать, что его значение изменится? Если бы его стоимость оставалась неизменной, то отсюда следовало бы, что она зависит от ограничения предложения, и это ограничение предложения, а не необходимость труда, является отличием, составляющим богатство. Неразрезанный экземпляр старопечатной книги стоит, возможно, в десять раз дороже экземпляра, который был приспособлен для чтения путем разрезания его страниц. Потому что это стоило большего труда? Нет: это стоило гораздо дешевле. Потому что это более читабельно? Нет: это бесполезно для чтения. Просто потому, что количество таких копий более ограничено.

КОНЕЦ.

Лондон:

Споттисвудс и Шоу,
Нью-стрит-Сквер.

Примечания переписчика:

СОДЕРЖАНИЕ приведено для удобства читателя.

Пунктуационные и орфографические неточности были оперативно исправлены.

Сохранено архаичное и изменчивое написание.

Сохранены варианты расстановки переносов и сложных слов.